

К 100-летию со дня рождения Александра Александровича БЛОКА

**Твой взгляд —
да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь:
мир прекрасен.
Познай, где свет, —
поймешь, где тьма...**

НА ЗОЛОТУЮ ПОЛКУ

Наш корреспондент беседует с заместителем секретаря правления Союза писателей СССР, ответственным секретарем Всесоюзного комитета по подготовке и проведению юбилейных торжеств В. А. УВАРОВЫМ.

— Владимир Алексеевич, чем порадовали издатели читательскую аудиторию к столетию поэта?

— Приведу лишь несколько примеров. Центральными и республиканскими издательствами выпущено более сорока изданий тиражом, превышающим четыре миллиона экземпляров. Это прежде всего шеститомное собрание сочинений. Первый том подписчики уже получили, на днях выйдет второй том. Увидели свет более двадцати сборников стихов поэта. Драматическое творчество Александра Александровича представлено в книге «А. Блок. Театр». Вышли из печати сборники «Блок и литература», «Блок об искусстве».

Среди новинок хочется еще отметить второе издание книги В. Орлова «Гамма», двухтомник «Блок в воспоминаниях современников».

— Какие еще новинки появятся в будущем?

— Наиболее интересным и значительным будет академическое полное собрание сочинений и писем поэта. Его готовят Институт мировой литературы имени М. Горького АН СССР совместно с Институтом русской литературы (Пушкинским домом). В пятнадцатитомник поэта войдут новые блокковские тексты и материалы.

— Какими еще событиями отмечено столетие?

— С 24 по 26 ноября прошла Всесоюзная научная конференция в Пушкинском доме. С началом ее работы в городе на Неве в Литературном музее А. С. Пушкина открылась выставка, посвященная юбилею поэта. Такая же выставка откроется сегодня в Центральном литературном музее столицы. В пятнадцатитомник поэта войдут новые блокковские тексты и материалы.

— Какими еще событиями отмечено столетие?

— С 24 по 26 ноября прошла Всесоюзная научная конференция в Пушкинском доме. С началом ее работы в городе на Неве в Литературном музее А. С. Пушкина открылась выставка, посвященная юбилею поэта. Такая же выставка откроется сегодня в Центральном литературном музее столицы. В пятнадцатитомник поэта войдут новые блокковские тексты и материалы.

— Какими еще событиями отмечено столетие?

— С 24 по 26 ноября прошла Всесоюзная научная конференция в Пушкинском доме. С началом ее работы в городе на Неве в Литературном музее А. С. Пушкина открылась выставка, посвященная юбилею поэта. Такая же выставка откроется сегодня в Центральном литературном музее столицы. В пятнадцатитомник поэта войдут новые блокковские тексты и материалы.

Дом в усадьбе Шахматово. Рисунок А. БЛОКА.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Воспоминания поэта Сергея ГОРОДЕЦКОГО

Тысяча девятьсот третий год...
Читаем «Саввину книгу»...
Маленькая белая аудитория — из малопосещаемых — Санкт-Петербургского университета.

...Со мной на одной парте рядом — стройный студент с соломенно-пепельными, слегка выщипанными волосами над высоким и нешироким матовым лбом, с светло-серыми глазами, вдруг раскрывающимся, как окно в пустыню, с тонким правильным носом и красивым, слегка скорбным ртом. (Он зятанут в темно-зеленой сюртуке, безупречно облегающий его сильный стан, с темно-синим воротником, что было отличием от «белоподкладочников», носивших голубые воротники на светло-зеленом сюртуке. Но изящной манере носить сюртуке может позавидовать любой белоподкладочник.)

Мы вдвоем следим за текстом по его экземпляру «Саввиной книги», на оборотной стороне серой обложки которой свободно и даже размашисто написано: «Александр Блок».

Блок аккуратней всех посещает лекции, его тетрадка с записями славянских премудростей пользуетесь мы все. Он с любезной, слегка снисходительной улыбкой одалживает тетрадку.

Печатается с сокращениями впервые.

живает эти тетрадки тем, кто пропустил лекцию: он не пропускает ни одной.

Много дней и много недель бывали такие встречи, пока в какой-то поздневесенний день я не узнал, что мой сосед, занимающийся сербским языком, в то же время писал непонятные и странно волнующие стихи:

Запевающий сон,
зацветающий цвет,
Исчезающий день,
погасающий свет.
И потом:
И не помню — откуда
дохнула в лицо,
Запевая, гордая взошла
на крыльцо.

Фразы без подлежащего! Какой волшебной дерзостью казалось это тогда!

И мы с вопрошающим восторгом всматривались в спокойное, как у античной статуи, лицо товарища и удивленно встречали его утвердительно улыбку: «Да, так!»

И верили его ответу, потому что стихи завораживали. Многие из нас писали стихи, но тайной музыки никто не владел.

Не помню дня, когда Блок позвал меня к себе домой. Но было это под вечер, когда бледно-алая петербургская заря золотила медленные воды Невки, по мосту через которую мы шли к Гренадерским казармам, где жил Блок со своей матерью в квартире отчима.

Мы вошли в небольшую уютную узкую комнату.

У стены против двери стоял длинный диван. Блок тотчас сообщил, что это диван от бабушки, и на нем сидел Достоевский. Между диваном и окном простой письменный стол со стопкой аккуратно нарезанных четвертушек бумаги, на которых — не больше трех-четырёх строк — Блок писал и начисто переписывал стихи...

Все разговоры с Блоком всегда начинались длительным, испытующим молчанием. Тем для беседы было много, но над всеми доминировала одна: стихи. И с чего бы ни начинался разговор, он кончался или тем, что Блок говорил: «Прочти, что написал». Или тем, что сам брал какой-нибудь листок из четвертушек и читал.

Помню, как однажды вдруг после «запевающего сна» поразила меня совсем другой, как будто и не блокковский голос:

— Все ли спокойно в народе?
— Нет. Император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.

Этот стихотворение, как теперь я вижу, помечено 3 марта 1903 года. А кажется, что оно написано в пятом. Тогда еще не было и не могло быть видно, что в последней строчке его уже поставлена тема «Возмездия»...

Публикации
В. ЕНИЩЕРЛОВА.

Звучи, живая речь В дни Октября

На каждом крупном художнике лежит особая миссия. Осознает ли он ее сам в колоссальных исторических масштабах или нет, трудно сказать. Пушкин, судя по всему, осознавал, кажется. Своя миссия была у Маяковского. Своя миссия была у Есенина. Блок стал в самые же первые дни новорожденного государства рабочим и крестьян переводчиком, переносчиком той гуманистической культуры, которую выработало человечество.

В резких социальных сдвигах того времени могло даже поначалу показаться, что прошла резкая грань между великой русской и новой культурой. Очень важно было, чтобы кто-нибудь из признанных художников слова на новом материале показал, что великая социальная-этическая наследственность не прервется, не погаснет, что замечательные эстетические традиции не исчезнут. И это можно было прежде всего зримо показать, откликнувшись на живые суровые события времени. Эту роль, не сразу заметную, как бы взял на себя Александр Блок — великий поэт XX века. Поэт любви, подвига и трагедии. И тем самым совершил социальный и национальный подвиг. Блок — один из тех редких художников, который в переломный и трудный момент жизни нации стремился не замкнуться, но с высоты духа и культуры прийти к общенародности. Блок совершил это, написав поэму «Двенадцать». «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием» он слушал музыку Революции. Мы, люди новых поколений нашей страны, благодарны поэту за эту незамкнутость, неотгороженность от нас.

Но Блок, призывая своих современников слушать музыку

Революции, всей своей поэзией и публицистикой фактически также звал не отрываться и от собственной истории и от собственной, выстраданной веками, и от всемирной культуры. Он как бы призывал, да и сейчас призывает нас, слушать музыку Истории, музыку Культуры. В диалектической взаимосвязи с поэмой «Двенадцать» находится — ощутимо это чувствую — знаменитый стихотворный цикл А. Блока «На поле Куликовом». Блоку вообще в большой степени свойственно обостренное чувство русской судьбы, родной земли, ее духа, ее боли во плоти и того, что можно назвать чувством поля Куликова. Максим Горький назвал его в одном из писем «человеком и поэтом бесстрашной искренности».

Существует фотография: Блок на смертном одре. Я смотрел и не мог отделиться от мысли, что это лицо умершего Дон Кихота.

Бесстрашная искренность продолжает звучать в каждом слове Александра Блока. И это помогает жить и работать.

Звучи, звучи, живая речь Поэта Александра Блока

Встречь разуму и свету встреч В порыве мощном и глубоком.

Звучи же, вписываясь равно В мир городов и деревень, В ноябрь туманный, в теплый август, И в тяжкий, и в счастливый день.

...И не отринуть, не отречь Струку от родины и сроков. Звучи, звучи, живая речь Поэта Александра Блока!

Владимир ЛАЗАРЕВ.

Музей-квартира

Накануне юбилея в Ленинграде открылась музей-квартира А. А. Блока. Это дань горда на Нева памяти великого поэта. Здесь, на улице Декабристов, 57, написаны «Роза и крест», «Двенадцать», «Скифы», статья «Интеллигенция и революция». Здесь бывали у поэта Есенин и Станиславский, Мейерхольд и Чуковский, музыканты, художники.

Материалы музея основаны на обширных собраниях ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом) и коллекции московского инженера Н. П. Ильина. Сюда будут приходить тысячи и тысячи людей, чтящих память поэта и гражданина.

Ленинград. В. ЧУЛЬ.

Фото ТАСС.

РАМПА ЕСТЬ ЛИНИЯ ОГНЯ

Современники, слышавшие Блока, единодушно вспоминают о необыкновенно сильном впечатлении от его непривычного, как будто монотонного, ровного и глуховатого чтения. Никакой аффектации — сдержанность, строгость, благородство. Возможно, загадка была в личном «магнетизме» великого поэта? Но вот в 1920 году филолог С. Бернштейн записал на восковые валики фонографу 16 стихотворений, прочтенных Блоком, «отделив» таким образом голос от его обладателя. И что же? Ученый был поражен силой художественного эффекта, о чем тут же и сказал поэту. «Это общий принцип искусства: экономия выразительных средств», — пояснил Блок. — Я знаю это, может быть, потому, что прежде был актером».

Так, уже в конце жизни, вспомнил поэт свою юность, когда в 1897 году заполнял он импровизированную анкету, в которой, помимо прочих, были такие вопросы-ответы: «Чем я хотел бы быть?» — «Артистом императорских театров». «Каким образом я желал бы умереть?» — «На сцене от разрыва сердца».

В. Пяст вспоминал, что «известный Blok (в начале, в переломных артистических кругах) как поэт предвещавала его известность как декламатора».

Вскоре призвание поэта целиком захватило Блока, но любовь к театру осталась на всю жизнь. Юношеское же увлечение сценой и декламацией не прошло бесследно, проявляясь иногда совершенно неожиданно. Так, в числе любимых монологов, которые читал юный Блок, был монолог Дон-Жуана из одноименной драматической поэмы А. К. Толстого. Спустя много лет в известном стихотворении Блока «Шаги командора» находят отражение не только основная идея и настроение толстовской драмы, но даже сознательно используются слова Командора: «Ты звал меня на ужин».

«Театральное действие уже больше слов» — считал Блок. Любовь его к театру отрази-

На снимке: А. БЛОК и его жена Л. МЕНДЕЛЕЕВА в любительском спектакле «Гамлет».

лась не только в том, что он был «театралом» и написал семь пьес. Он был именно, по его словам, «театральным человеком», т. е. глубоко и кровно понимающим массу крупных и мелких специфических проблем, начиная от выбора репертуара, роли режиссера, взаимоотношений между автором и актерским коллективом до технических мелочей. Роли театра в жизни общества Блок придавал огромное значение: «Театр есть та область искусства, о которой прежде других можно сказать: здесь искусство соприкасается с жизнью, здесь они встречаются лицом к лицу; здесь происходит вечный смотр искусству и смотр жизни... рампа есть линия огня».

После революции деятельность Блока была теснейшим образом связана именно с театром. Он принимал участие в работе Комиссии по реорганизации государственных театров, работал в Репертуарной секции петроградского Театрального отдела Наркомпроса, был председателем Управления Большого драматического театра. Заложенное еще в юношеские годы, на всю жизнь сохранилось у него твердое убеждение в непреходящей значимости «сокровищницы ис-

кусства классического» для театрального репертуара. Его не смущало то, как он верил, «короткое, переходное время, когда «Макбет» пойдет перед пустым залом», потому что пресыщенным слоям уже будет скучно, а «душевно голодные, внимательные и чуткие люди» еще не дорастут до понимания великого творения Шекспира. Это говорил художник, который уже в 1908 году понимал, что народный театр, «театр с новым зрительным залом, театр большого действия и сильных страстей способен в ближайшем будущем занять первое место».

Блок настроенно относился к разного рода «новациям» в театральном искусстве. В 1920 г. он мудро предостерегал от неоправданных экспериментов при постановке классических произведений. Приводя в пример искания Мейерхольда, Блок подчеркивал: «Я люблю и уважаю это чувство личико в нем. Но театр ведь есть общее дело, следовательно, здесь или нужно победить, покорить своей личностью всех, или — покориться многим, принести себя в жертву, найти какой-то средний путь». В речи перед актерами Большого драматического театра, верными классической традиции, Блок говорил: «Мы не хотели делать Отелло бледнокожим, мы не захотели бы срывать корону с короля Клавдия прежде, чем захотел этого Шекспир, мы не превращали Поэту в современного неврастеника либерализма». Он воздавал должное театру, который «не развращал себя правдами мыслями о том, что во времена Шекспира не было декораций, что для быстрых перемены нужно ждать вертящейся сцены, что путь примитива иногда прямее пути современного грузного театра». Удивительно современно звучат сегодня эти блокковские слова, слова человека, для которого театр был «столь близкой и родной... издана» стихией.

Н. КОЛОСОВА.

В дни Октября

Разбираясь недавно в своем архиве, я случайно наткнулся на пожалтевший лист с напечатанными и выцветшими от времени буквами. Это было мое стихотворение «Первые дни Октября», которое написано в 1921 году незадолго до смерти Блока с посвящением Александру Александровичу. Оригинал я отправил адресату, а копия пролежала в моих бумагах почти 60 лет. Предлагаю ее вашему вниманию:

Мне двадцать шесть.
На улице восстанье.
Я не политик, правда,
но душой
за власть народа,
за его создание —
за Совнарком,
и за размах большой.

Я не имел угодий
и поместий.
Я был поэт, я на мансарде
жил.

Я с жадностью
читал листок «Известий».
Он голову мне, как вино,
кружил...

Керенский собирал
у Петергофа
Горсть юнкеров,
а Александр Блок
уже кончал пленительные
строфы

«Двенадцати» —
спокоен, светел, строг.

А дни неслись,
как спуганные птицы.
Был счастлив тот,
кто Родину любил.
Кто не любил —
бежал в Париж и Ниццу
И там свои надежды
хоронил.

Дни Революции Историю
листали,
А тени тех,
что в битвах полегли,
за Вами, Александр Блок,
стояли.

Чтоб Вы
«Двенадцать» написать
смогли.
1921 г.
Рюрик ИВНЕВ.

Юному поэту

Сегодня под Пензой открывається Блоковский мемориал. Скульптурная композиция расположена вблизи тех мест, где в 1890 году Саша Блок вместе со своей матерью и отчимом гостили в деревне Урлейна у старшего из братьев Бекетовых — Алексея Николаевича.

Пензенская земля... Кто только из деятелей науки и искусства не побывал на ее просторах. Земля Лермонтова, Белинского... И вот сейчас, в дни юбилея, как бы вновь услышался шаг юного Блока — будущего великого поэта.

На осеннем фоне скульптура отлитая из бронзы, кажется легкой и прозрачной. У самого памятного — камня с начертанными на нем строками из стихотворения о России:

«Твои мне песни ветровые. —
Как слезы по щеке лобань
Чуть ниже цифры: 1880 — 1980.
Подойди — бронзовые пилоты
с рельефными портретами
А. Н. и Н. Н. Бекетовых. Пилоты — как два крыла за спиной юности... Автор мемориала — скульптор Н. А. Матвеев.

з. АНДРЕЕВА.

Пензенская земля.

На снимке: центральная скульптура нового мемориала